

СЕРГЕЙ Попов

КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЯВЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОГО И НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЕЙ

COBISS: 1.01

Kognitivno-evolucijska raziskava pojavitve določnega in nedoločnega člena

Članek podaja izsledke kognitivno-evolucijske raziskave, posvečene zaporedju pojavitve določnega in nedoločnega člena v jezikovnem razvoju. Kritično obravnava splošno prepričanje, da se je najprej pojavil določni in nato nedoločni člen. Na podlagi znanstvene vednosti o konkretnosti, abstraktnosti in stopnjah dojemanja, ki se nanašajo na lingvistiko, potrди zgodovinsko sočasnost izrecno določnega in sovsebnno nedoločnega člena.

Ključne besede: člen, konkretnost, abstraktnost, kognitivno-evolucijski pristop, dožemanje

A Cognitive and Evolutionary Study of the Appearance of Definite and Indefinite Articles

This article presents the results of a cognitive and evolutionary study devoted to the order of appearance of definite and indefinite articles in language development. It critically examines the conventional postulate on earlier appearance of the definite article and later appearance of the indefinite article. Research on concreteness, abstractness, and degrees of perception as related to linguistics justifies the historical simultaneousness of the appearance of explicit definite and implicit indefinite articles.

Keywords: article, concreteness, abstractness, cognitive and evolutionary approach, perception

0 ВВЕДЕНИЕ

Согласно общепринятому определению, артикль – «грамматический элемент, выступающий в языке в виде служебного слова или аффикса и служащий для выражения определенности-неопределенности», при этом один из соответствующих артиклей может быть имплицитным, или нулевым (Виноградов 1990: 45–46). Известно, что в языках мира имеются также артикли с иной семантикой, в том числе сосуществующие с определенными и неопределенными артиклями. Возможна и функциональная дифференциация имплицитного и эксплицитного неопределенных артиклей в одном языке (например, в болгарском). Однако такая характеристика артиклей, как определенность – неопределенность, в артиклевых языках мира преобладает.

Определенность традиционно признаётся указанием «на известный, выделенный из класса подобных предмет», неопределенность – указанием «на некий невыделенный предмет как представитель класса подобных предме-

тов» (Виноградов 1990: 45). Эти характеристики можно выразить терминами «конкретность» и «абстрактность», обозначающими важнейшие понятия когнитивной эволюции человечества. С понятием абстрактности тесно связано понятие обобщенности: абстрагирование (отвлечение) от дифференциальных признаков познаваемых сущностей является необходимым условием обобщения этих сущностей по их интегральным признакам (Кольцова 1967: 303; Кондаков 1975: 10; Иванов 1978: 86, 96). В дальнейшем, говоря об абстрактности, мы имеем в виду и тесно связанную с ней обобщенность.

Хорошо известна причина стремления к обобщению. Она кроется в свойственном человеку, неизбежно проявляющемся в процессе познания биологическом недостатке: относительно небольшом объеме памяти. Стремление к абстрагированию не может не отражаться и в языке, в стихийном создании которого проявляются невозможные без абстрагирования понятийные номинации одним словом классов сходных явлений, переносы значений, грамматические обобщения. Как заметил в свое время И. М. Сеченов, «где же найти десятки или сотни тысяч разных имен для суммы всех виденных берез, человеческих лиц, стульев и как совладать мысли с таким громадным материалом?» (Сеченов 1952: 317). Аналогично понимание человека в теории информации: как «канала связи с ограниченной пропускной способностью» (Величковский 2006: 96). Из этого следует, что человек приступает к абстрагированию только тогда, когда его память, условно говоря, переполняется разнообразными по форме, но сходными по содержанию номинациями.

Результатом упомянутых грамматических обобщений являются и артикли. Любой артикль является предельно обобщенной грамматической единицей, из чего следует, что она может возникнуть только при наличии способности носителей языка к абстрагированию.

Комфортность пользования обобщенной оппозицией определенного и неопределенного артиклем трудно переоценить. В отличие от других средств выражения конкретности и абстрактности (в традиции – «определенности и неопределенности»), артикли выражают эти значения не только обобщенно и лаконично, но и семантически просто, не отягощая, как это наблюдается при «попутном» выражении конкретности другими языковыми средствами, дополнительными значениями, например притяжательности (англ. *my table* не то же, что *the table*) или указательности (фр. *cette maison* не то же, что *la maison*); аналогичные несовпадения семантических объемов можно видеть и при выражении абстрактности (англ. *any table* не то же, что *a table*). Следовательно, определенные и неопределенные артикли – универсальные средства выражения конкретности и абстрактности при одном и том же слове (англ. *the table – a table*, фр. *la maison – une maison*, болг. *жената – една жена*), в том числе при эксплицитности и имплицитности артиклем (болг. *жената – жена*, турецк. *oda – bir oda*). Такая универсальная взаимозаменяемость логично наводит на мысль о постоянном сосуществовании и, как следствие,

одновременном появлении в языках таких показателей конкретности и абстрактности.

Однако предположение об одновременном появлении в языках определенного и неопределенного артиклей противоречит распространенному среди лингвистов мнению об очередности такого их появления: общепризнанная направленность эволюции человеческого познания «от конкретного к обобщенному» является причиной того, что из средств выражения определенности и неопределенности «исторически более ранними являются средства выражения определенности, в т. ч. и определенный артикль» (Николаева 1990). Из такого убеждения следует, что в языках, имеющих в настоящее время определенный и неопределенный артикли, по мере познания их носителями действительности вначале возникла коммуникативная потребность обозначать конкретность при полном отсутствии потребности обозначать абстрактность, из чего в свою очередь выводится, что вторая из этих потребностей всегда появлялась позже первой.

Эволюции человеческой мысли от конкретного к абстрактному имеется множество свидетельств разных наук, в том числе нейрофизиологии и нейропсихологии, данные которых способны объяснить многие аспекты когнитивной деятельности. Так, один из пионеров изучения функциональной асимметрии мозговых полушарий В. Л. Деглин считает, что история эволюции человеческого мозга есть история перехода мысли конкретной из правого полушария к мысли абстрактной в левом полушарии (Деглин 1996: 145–146). Этот вывод подтверждают и конкретизируют многие ученые, например Д. А. Фарбер и Т. Г. Бетелева. Они констатируют, что механизмы конкретного опознания, свойственные правому полушарию, формируются с момента рождения до 5–6-летнего возраста, а осуществляемые левым полушарием по отвлеченно воспринятым признакам классификации являются относительно совершенными к 14–16 годам (Фарбер – Бетелева 1985). Однако следует ли из этого поочередность исторического появления артиклей – вопрос не праздный. Признание такой поочередности противоречит важному условию появления артиклей, в том числе определенного – способности к абстрагированию: получается, что возможный лишь при абстрактности мышления определенный артикль появляется при отсутствии абстрактности мышления. Данное противоречие требует разрешения.

Кроме того, возникает вопрос о качественном уровне общепризнанной начальной конкретности: соответствует ли такой начальный уровень конкретности уровню позже появляющейся абстрактности?

Целью настоящей статьи является когнитивно-эволюционное исследование вопроса о корректности признания определенного и неопределенного артиклей в плане их появления в языках соответственно более ранним и более поздним.

Если появление определенного и неопределенного артиклей возможно лишь при наличии способности к абстрагированию, необходимо выяснить,

при каких условиях эта способность появляется и возможна ли при таком появлении неоппозиционность конкретности и абстрактности.

1 ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРВИЧНОСТИ ОПРЕДЕЛЕННОГО И НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЕЙ: СИНХРОНИЯ

Диалектика дает на эти вопросы один простой ответ: имеющиеся в мышлении конкретное и абстрактное – как две противоположности – являются взаимосвязанными и легко переходят друг в друга. То же фиксируется в языке: М. Н. Правдин в монографии, посвященной проблеме конкретного и абстрактного в мышлении и языке, пишет, что «противоречие абстрактного и конкретного, по-видимому, постоянно возникает и разрешается в процессе реального мышления и реального взаимодействия языка и мышления. [...] Переход от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному [...] представляет собой объективный диалектический процесс» (Правдин 1991: 73). Диалектика рассматривает конкретное и абстрактное только в синхронии, в то время как нас интересует диахронический аспект исследуемой проблематики. Поэтому единственно верным научным способом ответить на вопрос об исторической первичности или вторичности конкретности и абстрактности и соответствующих артиклей является обращение к эмпирически достоверным сведениям об эволюции человеческого мышления и тесно связанного с ним языка в онто- и филогенезе. Реализовать такое обращение позволяет когнитивно-эволюционный подход.

2 КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД: СУЩНОСТЬ

Закономерно пришедшая на смену структурализму, десятилетия отвечающему на вопросы типа «как?», дополнившая лингвистику поиском ответов на вопросы типа «почему?» когнитивная лингвистика предполагает обращение лингвистов к сведениям смежных с лингвистикой наук, то есть наук о человеке, или антропонаук: философии, логики, психологии, биологии, физиологии, нейропсихологии, нейрофизиологии и других (Кибрик 1992: 20, 25). Одной из таких наук является эволюционная эпистемология, положения которой разрабатываются в трудах К. Р. Поппера и его последователей, и именно в рамках этой науки появился подход, названный его автором, И. П. Меркуловым, когнитивно-эволюционным (Поппер 2000; Меркулов 2003; 2006). Сущность данного подхода сводится к следующему: социальная эволюция человечества должна рассматриваться в неразрывной связи с эволюцией человеческих когнитивных структур: мышления с его строем – логикой, восприятия, памяти, внимания, воображения и т. п., – и сведения о таких когнитивных структурах следует

черпать из антропонаук, которые, каждая – в своем аспекте, занимаются данной проблематикой.

Следование этому принципу позволило нам выяснить следующее. В современной когнитивной психологии, смежной с лингвистикой науке, данные которой важны для когнитивной лингвистики, основной функцией восприятия считается категоризация, осуществляемая путем стихийного применения законов логики, которая интересует психологов не как наука, а как строй мышления. Однако качество основанной на логических законах категоризации какой-либо информации зависит от степени восприятия данной информации. Таких степеней три: синкретичное восприятие, поверхностное восприятие и альтернативное восприятие. При синкретичном восприятии воспринимаемое оказывается нерасчлененным и фиксируется как целостное явление без структурных признаков. При поверхностном восприятии категоризация воспринимаемого происходит по случайно воспринятому, как правило – ближайшему, «лежащему на поверхности» (отсюда название), признаку, нередко ошибочному. При альтернативном восприятии воспринимаемая информация категоризируется по признаку, наиболее подходящему из наличествующих альтернативных. Степени восприятия, обуславливающие соответствующее каждой такой степени качество логики, представляют собой сведения, коррелирующие с когнитивным аспектом когнитивно-эволюционного подхода. Переход от синкретизма восприятия к его поверхностности и от нее к альтернативности восприятия как перцептивной норме является информацией, коррелирующей с эволюционным аспектом когнитивно-эволюционного подхода. Очевидный для когнитивной лингвистики постулат о связи языка вообще и грамматики в частности с мышлением, прежде всего с его строем – логикой, при когнитивно-эволюционном подходе получает конкретизацию: указанная связь представляет собой алгоритм «качество восприятия → соответствующая логичность мышления → соответствующая логичность грамматики и языка в целом».¹ Данный алгоритм наиболее полно прослеживается в двух направлениях когнитивной эволюции человека: от состояния детского к взрослому, то есть в онтогенезе, и от первобытного к цивилизованному, то есть в филогенезе. Онто- и филогенез демонстрируют эволюционную идентичность, в том числе в сфере языка. Так, А. Н. Барулин обращает внимание на активную в наше время разработку гипотезы Л. С. Выготского о том, что «так же, как эмбриональное развитие плода повторяет в основных чертах в сжатом виде филогенетическую историю вида, развитие речи в филогенезе повторяется в сжатом виде в основных чертах в развитии речи у ребенка» (Барулин 2008: 52). В. И. Абаев, прямо пишет о том, что «формирование сознания и речи у детей в «сгущенном» виде повторяет процесс формирования сознания и речи у первобытного человека»

¹ Подробнее об этом см. Попов 2015: 87–101.

(Абаев 1993: 19).² Однако в онто- и филогенезе это происходит не в полной гармонии с идеей языковой идентичности двух этих измерений человеческой эволюции, поскольку, в отличие от первобытных людей, далеко не всегда располагающих влияющей на их развитие цивилизованной средой, цивилизованные дети растут именно в цивилизованной среде.

Показанные когнитивно-эволюционные положения применялись нами в ходе изучения русских грамматических вариантов и закономерностей перцептивно-логической эволюции на лексическом и фонетическом уровнях русского языка (Попов 2013; 2015; 2016а; 2016б; 2016в). Сейчас мы считаем возможным и необходимым использовать эти положения в ходе интерпретации сведений о появлении в ходе когнитивной эволюции человечества понятий конкретности и абстрактности и соответствующих им универсальных грамматических показателей – определенных и неопределенных артиклей.

3 ПРИНЦИП МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ

Отстаиваемый когнитивной наукой в целом и когнитивно-эволюционным подходом в частности принцип междисциплинарности без преувеличения является панацеей против многих некорректных узконаучных выводов и даже против необъяснимости научных, имеющих характер парадоксальных открытий наблюдений. Так, еще в 1973 году Р. Браун опубликовал парадоксальную для научного сообщества информацию: англоязычные дети в числе первых грамматических установлений, в частности до появления в речи артиклей, усваивают трудные для запоминания (по причине их малологичного разнообразия) формы простого прошедшего времени неправильных глаголов (например, *went, made*) и лишь спустя определенное время усваивают универсальное окончание простого прошедшего времени *-ed* (например, *wanted*) для составляющих подавляющее большинство английской глагольной лексики правильных глаголов, после чего начинают употреблять с этим окончанием и глаголы неправильные (например, *maked*), и спустя еще какое-то время начинают наконец корректно различать употребление форм простого прошедшего времени неправильных и правильных глаголов (Brown 1973: 311–312). У. Диксон, включивший данную информацию в монографию «Двадцать великих открытий в детской психологии», высказывается об этих сведениях достаточно эмоционально: «Это потрясающее открытие! Получается, будто дети совершают шаг назад, чтобы сделать два шага вперед» (Диксон 2007: 176). Однако, если отвлечься от первого, поверхностного, впе-

2 Более детальные сведения о степенях восприятия у человекообразных обезьян, детей, первобытных людей и современных цивилизованных взрослых представлены в Попов 2013: 5–105.

чатления парадоксальности этих сведений и соотнести данную информацию с логико-психологическим понятием способности к абстрагированию, то станет ясно, что дети в первую очередь усваивают простое прошедшее время именно неправильных глаголов потому, что в своем когнитивном развитии еще не поднялись до уровня абстрактности, предполагающего обобщение по интегральным признакам.³ Обладая еще достаточным объемом не занятой информацией памяти, дети усваивают нелогичное разнообразие форм так же легко, как не знающие абстрактности представители северных этносов запоминают множество названий снега и даже белого цвета, а не знающие абстрактности чисел нивхи создают числительные, инкорпоративно спаянные с названиями сравнительно немногочисленных в их практике предметов, например «5 лодок» – одно слово, «5 нарт» – второе слово, «5 неводов» – третье слово, «5 прутьев с нанизанной на них корюшкой» – четвертое слово и т. д. (Леонтьев 1963: 109).

В ходе доказательства непарадоксальности информации Р. Брауна мы продемонстрировали важность выявления истины с применением принципа междисциплинарности, который далее применяем в процессе достижения поставленной в статье цели.

4 СТЕПЕНИ ВОСПРИЯТИЯ И СПОСОБНОСТИ К АБСТРАГИРОВАНИЮ И КОНКРЕТИЗАЦИИ В ОНТО- И ФИЛОГЕНЕЗЕ: ОСНОВНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕПЕРВИЧНОСТИ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ

Заявленное в названии раздела сопоставление имеет первостепенную важность потому, что определенный и неопределенный артикли, как сказано выше, являются предельно обобщенными грамматическими явлениями, возможными только при способности к абстрагированию, однако не менее важным для этой же цели представляется выяснение вопроса о способности к конкретизации.

Поскольку в рамках статьи невозможно вместить большое количество примеров, ограничимся ценными наблюдениями знаменитого онтопсихолога Ж. Пиаже, отчасти показанными выше онтогенетическими сведениями онтопсихолога и онтолингвиста Р. Брауна и некоторыми, наиболее показательными филогенетическими данными известных этнологов, антропологов, психологов, нейрофизиологов и лингвистов. Онтогенетический и филогенетический аспекты появления способности к абстрагированию рассматриваем в порядке эволюции степеней восприятия: синкретизм → поверхностность → альтернативность.

³ Означает ли это изначальную конкретность детского мышления, пока не обсуждаем.

4.1 Синкретичное восприятие и способности к абстрагированию и конкретизации

Ярким примером синкретизма восприятия в онтогенезе являются холофразы – существующие в языке слова, части слов и словоформы, например *бах*, *тпру*, или единицы, формально на них похожие, например *туй* (*стул*), *кать-кать* (от *катить*), которые ребенок произносит в возрасте примерно одного года, и семантически каждое такое слово эквивалентно целой фразе, например *кать-кать* может означать, что ребенок хочет ехать в коляске или катить коляску либо что коляска ему не нравится и т. д. (Цейтлин 2009: 61–69).

В филогенезе подобные этим слова, как правило совмещающие в одной форме глагол и имя, наблюдаются в инкорпорирующих языках первобытных народов, например в америндских и папуасских, и в древних языках, которые переросли инкорпорирующее состояние, став современными цивилизованными, – подробнее об этом, со ссылками на литературу, речь идет в (Попов 2015: 113–116). В свое время И. И. Срезневский в известном докладе «Мысли об истории русского языка» дал показательную синкретичную характеристику «языка в первом собрании своем»: «Темно, неопределенно, безотчетно выражает язык жизнь и мысль народа, столь же темную, неопределенную, безотчетную. Одно и то же слово есть вместе с тем и название предмета, и действия его, и качества, и впечатления, ими производимого в уме, точно так же, как и в уме народа все это остается неотделенным» (Срезневский 1959: 18).

Другим известным примером филогенетического синкретизма является отождествление первобытными (и древними цивилизованными) людьми человека с его изображением или тенью, которые должны быть так же неприкосновенны, как оригинал изображения или хозяин тени. Такие люди никому не говорят свое настоящее имя, поскольку убеждены, что имя, как тень и изображение, – атрибут самого человека, поэтому недоброжелатель посредством вреда атрибуту может причинить вред и его носителю. Если же первобытному человеку кто-то представляется успешным, то первобытный человек, как свидетельствует Н. Н. Миклухо-Маклай в отношении папуасов, часто предлагает такому успешному человеку обменяться именами (Миклухо-Маклай 1951: 86). Рассмотрение имени как атрибута предмета присуще даже первым философам: «На ранних этапах развития философской мысли в слове видели атрибут предмета, а не название, которым человек снабдил предмет, – пишет Р. Л. Грегори. – Жан Пиаже показал, что детское мышление именно так и трактует названия предметов – как *свойства* последних; но такова же трактовка зрелого Аристотеля – он считал слово частицей сущности предмета. Такой философский взгляд на связь слов и вещей чрезвычайно далек от современного» (Грегори 1972: 169). В. Л. Деглин обращает внимание на то, что синкретичное неразличение слова и денотата «зарегистрировано в мифах

разных народов – в Библии, в исландских сагах, даже в гомеровском эпосе» (Деглин 1996: 144).⁴

Очевидно, что в описанных перцептивных условиях, например слияния человека, его имени, изображения и тени, постулируемую учеными доабстрактную конкретность невозможно считать конкретностью, хоть в какой-то мере противопоставленной абстрактности. Если представить конкретность в виде шкалы, то при синкретизме восприятия наблюдается конкретность на стадии нуля, конкретность, условно говоря, нулевая, то есть отсутствующая. Такое обобщенное грамматическое явление, как артикль, не может возникнуть при полном отсутствии абстрагирования и конкретизации.

4.2 Поверхностное восприятие и способности к абстрагированию и конкретизации

Поверхностность восприятия в онтогенезе покажем на примере опыта, проведенного Ж. Пиаже совместно с его помощницей А. Шеминской. Два одинаковых сосуда дети 4-5 лет самостоятельно наполняют равным количеством бусинок. Когда содержимое одного из этих сосудов (другой оставляется в качестве контрольного образца) на глазах у этих детей пересыпается в третий сосуд другой формы, более высокий и тонкий, испытуемых спрашивают, изменилось ли при этом количество бусинок. Все без исключения дети отвечают, что количество бусинок в новом сосуде изменилось: по мнению одних, бусинок стало больше, потому что новый сосуд выше, по мнению других, – меньше, потому что новый сосуд тоньше (Пиаже 1969: 183–184). То есть блуждающие детские взгляды случайно фиксировали только один признак из двух наиболее явных, а достаточно абстрактный признак сохранения вещества не восприняли вовсе.

Теперь обратимся к другим из показанных выше онтогенетических сведений Р. Брауна. Во-первых, усвоению детьми форм простого прошедшего времени неправильных глаголов в хронологическом порядке предшествуют: появление окончания *-ing* для создания недифференцированного по продолжительности настоящего времени (например, *daddy eating*), появление предлогов *in* и *on* и появление окончания множественного числа существительных *-s* и *-es* (Brown 1973: 308). Самое первое грамматическое достижение ребенка – не сопровождаемое вспомогательным глаголом появление окончания *-ing* для создания имперфекта настоящего времени (*daddy eating*) объясняется поверхностностью восприятия: воспринимается лишь один из двух признаков имперфектности – глагол с окончанием *-ing*, а вспомогательный глагол не воспринимается. Следующее по времени появления различие предлогов *in* и *on* и окончаний множественного числа существительных *-s* и *-es* выглядит

4 «Даже» здесь излишне, ведь Гомер жил на несколько веков раньше Аристотеля, в чем-то продемонстрировавшего синкретизм восприятия.

результатом альтернативного восприятия, но это – восприятие возможности обозначать эмпирически верифицируемые признаки «внутри» – «снаружи, сверху» и «один» – «не один». Об отвлечении от конкретности такой эмпирической очевидности здесь говорить не приходится. Поэтому в данных двух случаях наблюдается неполноценное альтернативное восприятие, хотя и, несомненно, более близкое к альтернативности, нежели к поверхностности, что свидетельствует об уровне онтогенетической перцептивной эволюции, предвещающем появление способности к абсолютному абстрагированию.

Поверхностность восприятия в филогенезе, прежде всего у первобытных людей, можно видеть в малой части многочисленных описаний, представленных, например, Л. Леви-Брюлем: туземцы сочли причиной засухи «особый головной убор», применявшийся в богослужении миссионерами, а также их сутаны; портрет королевы Виктории они обвинили в эпидемии плеврита; увидев изображение птицы в виде тени на стене, показанной жившим среди них ученым, и удачно сходяв на охоту на следующий день, туземцы перед каждой новой охотой просили ученого показывать на стене такую тень; туземец, который неудачно сходил на охоту или рыбалку, возвращаясь домой и мучительно думая о том, кто околдовал его лук и сети, увидел случайно проходящего мимо соплеменника и тут же приписал ему это колдовство (Леви-Брюль 1994: 58–59).

В таких перцептивных проявлениях мы, как правило (не без некоторых прогрессивных квазиисключений), видим лишь первые попытки абстрагирования: попытки отвлечения от сущности, но не для взвешенного отнесения ее к классу, как это происходит при классической категоризации, а для чаще всего неверного отнесения к классу, случайно оказавшемуся рядом. Это условия весьма незначительного присутствия абстрактности, при котором постулируемую в таких случаях учеными конкретность в целом некорректно считать конкретностью, поскольку на шкале конкретности ее можно признать конкретностью начальной. Такое обобщенное грамматическое явление, как артикль, не может возникнуть при таких, в основном отсутствующих, абстрагировании и конкретизации.

4.3 Альтернативное восприятие и способности к абстрагированию и конкретизации

Альтернативность восприятия – перцептивная норма, которая в большом количестве примеров не нуждается. Способность к восприятию альтернатив органично соответствует разрабатываемой М. Н. Эпштейном философии возможного – POSSIBILISMU (Эпштейн 2001; 2016), поскольку восприятие альтернатив есть восприятие возможностей. Современный цивилизованный человек, как правило (это уточнение не случайно, ибо и здесь встречаются исключения), не допускает показанных выше проявлений синкретизма или поверхностности восприятия. Возможность воспринимать и анализировать

альтернативы, в том числе эмпирически неверифицируемые, полностью коррелирует со способностями к абстрагированию и конкретизации: чтобы познать другое, нужно абстрагироваться от конкретного первого, при этом не забывая о нем. Именно при альтернативности восприятия происходит упомянутая выше взвешенная, классическая категоризация. Именно в таких условиях возможно появление, что особенно важно – одновременное, определенное и неопределенное артиклей, выражающих абсолютные конкретность и абстрактность.

Здесь стоит обратиться к следующим этапам грамматического развития детской речи в схеме Р. Брауна. Это этап одновременного появления определенного и неопределенного артиклей и следующие за ним этапы усвоения окончания простого прошедшего времени *-ed* вначале для всех глаголов, а затем лишь для правильных (Brown 1973: 308). Эти факты являются свидетельством одновременного появления и дальнейшего развития способностей к абстрагированию и конкретизации: появления обобщенности, объединившей все конкретные глагольные флексии простого прошедшего времени, а затем выделения из этой обобщенности по новому познанному признаку другой, «неправильноглагольной», обобщенности.

При альтернативном восприятии определенные артикли могут эксплицироваться в языках раньше неопределенных (как, например, в греческом, и к этому мы вернемся ниже).⁵ Это вполне объяснимо поверхностностью восприятия: конкретное заметнее абстрактного и потому быстрее получает обозначение.

5 ДВА ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕПЕРВИЧНОСТИ ОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ

Возможны еще два когнитивно-эволюционных доказательства исторической непервичности определенного артикля: адъективное и историческое от противного.

5.1 Адъективное доказательство

В балтийских, скандинавских языках и западной подгруппе южнославянских языков имеются средства выражения конкретности и абстрактности, которым, очевидно логично, отказывают в артиклевом статусе на одном, но веском основании: они не могут быть присубстантивными. Это окончания именных и местоименных, исторически образовавшихся от именных посредством слияния с постпозитивным указательным местоимением, при-

⁵ Но известны и исключения из этого правила, когда единственным эксплицитным артиклем является неопределенный, например показанный выше турецкий *bir* (*один*), а определенный артикль считается нулевым.

лагательных, которые успешно выполняют функцию дифференциации соответственно абстрактности и конкретности (например, словенск. *nesrečen človek – nesrečni človek*). С когнитивно-эволюционной точки зрения, выполнение ими такой функции представляется особенно успешным на фоне русского языка, который является единственным славянским языком, в котором местоименные и именные⁶ прилагательные сохранились, но различие ими конкретности и абстрактности не состоялось, как не состоялся намечавшийся вплоть до XVII века в северных русских говорах определенный артикль, который мог развиваться из указательного местоимения так, как это произошло в болгарском и македонском языках.⁷ Как верно заметил Л. П. Якубинский, в истории русского языка «категория определенного члена *т, та, то* не получила развития, осталась в зародыше, и в современных диалектах мы имеем ее полное разложение» (Якубинский 1953: 197). Тот факт, что флексии местоименных и именных прилагательных, выражающие конкретность и абстрактность, в ходе развития языков могут сосуществовать с присубстантивными артиклями (что наблюдается в скандинавских языках), свидетельствует о том, что носители этих языков, подсознательно испытывая коммуникативную потребность в обобщенных показателях конкретности и абстрактности, используют для этого любые параллельно существующие возможности, и лишь потом могут устранить плеонастические явления как противоречащие наличию присубстантивных показателей конкретности и абстрактности, как это подсознательно-конвенционально сделали в свое время носители английского языка, одноформально устранившие различие местоименных и именных прилагательных, и носители немецкого языка, установившие различие таких прилагательных по признакам атрибутивности и предикативности. В данном случае неважно, нужно ли признавать артиклевый статус флексий именных и местоименных прилагательных, то есть нужно ли соблюдать принцип присубстантивности. Сейчас для нас важно другое: до появления местоименных прилагательных у именных прилагательных не было значения абстрактности, поскольку носители соответствующих языков еще синкретично воспринимали прилагательное как грамматико-семантическую целостность, в которой нет возможности какой-либо дифференциации. И лишь при появлении альтернативы – местоименных прилагательных – с их помощью в языках утверждается возможность различения конкретности и абстрактности местоименными и именными прилагательными. По аналогии с такими прилагательными определенный и неопределенный артикли могли

6 В русской терминологической традиции – «полные» и «краткие», то есть с утратой информации об их происхождении.

7 Выражение предикативности и атрибутивности роднит краткие и полные русские прилагательные с немецкими. Но, с точки зрения выражения конкретности и абстрактности, данное сходство поверхностно, поскольку, в отличие о русского языка, в немецком имеются присубстантивные артикли.

различать конкретность и абстрактность, только одновременно существуя в языке.

5.2 Историческое доказательство от противного

Из традиционной интерпретации древнегреческого артикля как определенного, не противопоставленного неопределенному, следует, что древние греки, в частности автор знаменитых апорий Зенон, автор разрешенных лишь в гегелевской диалектике парадоксов Евбулид Милетский, крупнейшие философы Сократ и Платон, философ и родоначальник теоретических наук Аристотель, а также виртуозно владеющие техникой подмены понятия софисты и еще обожествлявшие числа, но уже создавшие первые в истории человечества математические теории пифагорейцы, не обладали способностью к абстрагированию, то есть не могли отвлекаться от различий и видеть общее. Разумеется, логика цивилизованного человека, опираясь на данные альтернативного восприятия древнегреческих достижений, не позволяет с этим согласиться: она дает понять, что оговоренные выше неразличение слова и денотата Аристотелем и обожествление чисел пифагорейцами являются редкими, уходящими рудиментами прежнего когнитивного состояния древнегреческого этноса, ведь когнитивная революция, в отличие от ее социального аналога, – явление вполне постепенное. Из этого следует, что, употребляя определенный артикль, древние греки, безусловно подсознательно, испытывали коммуникативную потребность подчеркнуть, что сопровождаемое артиклем имя не следует понимать противоположно, то есть абстрактно, из чего выводится невозможность несуществования в древнегреческом неопределенного артикля, который был имплицитным, или нулевым.

6 КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ СТРУКТУРА ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ И ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ВОПРОСА ОБ ОЧЕРЕДНОСТИ ПОЯВЛЕНИЯ В ЯЗЫКАХ ОПРЕДЕЛЕННОГО И НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЕЙ

Из сказанного выше следует, что познавательная деятельность человечества есть движение не столько от конкретного к абстрактному, как принято считать, сколько от синкретизма восприятия, при котором о конкретности и абстрактности чего-либо говорить не приходится, → через поверхностность восприятия, при которой способность различать конкретное и абстрактное только намечается, то есть имеются структурно простые зачатки конкретного и абстрактного, появившиеся, что гносеологически важно, одновременно, → к структурно сложной альтернативности восприятия и непосредственно с ней коррелирующим абсолютным конкретности и абстрактности. Из этого следует, что в ходе познания человек научается сознать конкретное и абстрактное не по очереди, а одновременно, и происходит это постепенно: от

простого к сложному (простое и сложное представляют собой понятия, аналогами конкретного и абстрактного не являющиеся). Судя по всему, понятие конкретности не может существовать без своей оппозиционности понятию абстрактности, и наоборот, как не существуют друг без друга все антонимы: *высокий* не существует без *невысокий* и *низкий*; *женатый* не имеет смысла без *холостой*; *да* теряет смысл без *нет*. В таких гносеологических условиях универсальные, сами по себе предельно обобщенные языковые знаки, обозначающие постепенно и одновременно создаваемые конкретность и абстрактность, если и эксплицировались не одновременно, то знак, «вовремя не появившийся на свет», был имплицитным, подразумевался как комплементарно дополняющий эксплицитную противоположность.

7 ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Сказанное выше позволяет прийти к следующему выводу: если при синкретичном и поверхностном восприятиях соответственно полностью или почти отсутствуют конкретизация и абстрагирование, в силу чего обозначающий абсолютную конкретность определенный артикль может существовать только при исполненном абсолютных конкретизации и абстрагирования альтернативном восприятии, то важнейшим условием существования определенного артикля, как, разумеется, и неопределенного артикля, является именно альтернативность восприятия. Этим выводом лингвистически доказывается одновременность появления определенного и неопределенного артиклей в ходе языкового развития и междисциплинарно уточняется общепризнанная направленность эволюции человеческого познания от конкретного к абстрактному: не имеющая корреляции с абстрактностью конкретность, от которой в классической гносеологической доктрине начинается восхождение к абстрактному, — это, при синкретизме восприятия, совсем не конкретность и, при поверхностности восприятии, в основном не конкретность, абсолютность которой возможна только при альтернативном восприятии действительности. Если гипотетически согласиться с умозрительной трактовкой, что в ходе познания человек проходит три стадии конкретности, соответствующие трем степеням восприятия, — нулевую, начальную и абсолютную, то невозможно не признать, что грамматически обобщенные, невозможные без способности к абсолютным конкретизации и абстрагированию определенный и неопределенный артикли могут появиться не на нулевой или начальной стадиях такой структурированной конкретности, а лишь на третьей, единственной из трех стадии, коррелирующей с абсолютными конкретностью и абстрактностью. Иными словами, если сама конкретность может быть относительной, то экзистенциально возможный лишь при абсолютных конкретности и абстрактности мышления определенный артикль может быть только абсолютно конкретным, то есть существовать в состоянии, противопоставленном абсолютной абстрактности артикля неопределенного.

8 ЗАКЛЮЧЕНИЕ-РЕКОМЕНДАЦИЯ

Если принципиальная возможность имплицитности одного из двух соотносительных – определенного и неопределенного – артиклей возражений лингвистов не вызывает, то, как мы попытались доказать выше, ничто не мешает им признать имплицитность неопределенного артикля при первой исторической экспликации артикля определенного, и наоборот.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев 1993** = В. И. Абаев, О происхождении языка, в: *Язык в океане языков*, сост. О. А. Донских, Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993, 12–19.
- Барулин 2008** = А. Н. Барулин, К аргументации полигенеза, в: *Разумное поведение и язык 1: Коммуникативные системы животных и язык человека, Проблема происхождения языка*, сост. А. Д. Кошелев – Т. В. Черниговская, Москва: Языки славянских культур, 2008, 41–58.
- Величковский 2006** = Б. М. Величковский, *Когнитивная наука: основы психологии познания 1*, Москва: Смысл – Издательский центр «Академия», 2006.
- Виноградов 1990** = В. А. Виноградов, Артикль, в: *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В. Н. Ярцева, Москва: Сов. Энциклопедия, 1990, 45–47.
- Грегори 1972** = Р. Л. Грегори, *Разумный глаз*, пер. с англ., Москва: Мир, 1972.
- Деглин 1996** = В. Л. Деглин, *Лекции о функциональной асимметрии мозга человека*, Амстердам – Киев: Женевская инициатива в психиатрии – Ассоциация психиатров Украины, 1996.
- Диксон 2007** = Уоллес Диксон, *Двадцать великих открытий в детской психологии*, пер. с англ., Санкт-Петербург: прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
- Иванов 1978** = Вяч. Вс. Иванов, *Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем*, Москва: Сов. радио, 1978.
- Кибрик 1992** = А. Е. Кибрик, *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке)*, Москва: Изд-во МГУ, 1992.
- Кольцова 1967** = М. М. Кольцова, Физиологическое изучение явлений обобщения и абстракции, в: *Язык и мышление*, Москва: Наука, 1967, 302–311.
- Кондаков 1975** = Н. И. Кондаков, *Логический словарь-справочник*, Москва: Наука, 1975.
- Леви-Брюль 1994** = Люсьен Леви-Брюль, *Сверхъестественное в первобытном мышлении*, пер. с фр., Москва: Педагогика-Пресс, 1994.
- Леонтьев 1963** = А. А. Леонтьев, *Возникновение и первоначальное развитие языка*, Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- Меркулов 2003** = И. П. Меркулов, *Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы 1*, РАН, Ин-т философии, Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2003.
- Меркулов 2006** = И. П. Меркулов, *Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) 2*, РАН, Ин-т философии, Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2006.
- Миклухо-Маклай 1951** = Н. Н. Миклухо-Маклай, *Собрание сочинений III/1: Статьи по антропологии и этнографии*, Москва – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951.
- Николаева 1990** = Т. М. Николаева, Определенности – неопределенности категория, в: *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В. Н. Ярцева, Москва: Сов. Энциклопедия, 1990, 349.
- Пиаже 1969** = Ж. Пиаже, *Психология интеллекта*, в: Ж. Пиаже, *Избранные психологические труды, Психология интеллекта, Генезис числа у ребенка, Логика и психология*, пер. с франц., Москва: Просвещение, 1969, 55–231.
- Попов 2013** = С. Л. Попов, *Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография*, Харьков: НТМТ, 2013.
- Попов 2015** = С. Л. Попов, *Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект, Дис. ... докт. филол. наук*, Харьков, 2015.

- Попов 2016a** = Сергей Попов, Метонимия и метафора как корреляты двух этапов вынужденно поверхностного восприятия возможности создать новое лексическое значение, в: *Jazykovedný časopis* (Bratislava) 67 (2016), № 1, 31–44.
- Попов 2016b** = С. Л. Попов, О перцептивно-логической эволюции фонетического строя русского языка: гласные, в: *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету, Серія «Філологія»* (Одеса) 20 (2016), Т. 1, 38–41.
- Попов 2016в** = С. Л. Попов, О перцептивно-логической эволюции фонетического строя русского языка: согласные, в: *Вісник Дніпропетровського університету, Серія «Мовознавство»* 11 (2016), т. 24, вип. 22, 129–135.
- Поппер 2000** = К. Р. Поппер, Эволюционная эпистемология, в: *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики*, сост. Д. Г. Лахути – В. Н. Садовского – В. К. Финна, пер. с англ., Москва: Эдиториал УРСС, 2000, 57–74.
- Правдин 1991** = М. Н. Правдин, *Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке*, Москва: Вдохновение, 1991.
- Сеченов 1952** = И. М. Сеченов, Элементы мысли, в: И. М. Сеченов, *Избранные произведения 1: Физиология и психология*, Москва: Изд-во АН СССР, 1952, 272–426.
- Срезневский 1959** = И. И. Срезневский, *Мысли об истории русского языка*, Москва: Учпедгиз, 1959.
- Фарбер – Бетелева 1985** = Д. А. Фарбер – Т. Г. Бетелева, Межполушарные различия механизмов зрительного восприятия в онтогенезе, в: *Сенсорные системы. Сенсорные процессы и асимметрия полушарий*, Ленинград, 1985, 127–136.
- Цейтлин 2009** = С. Н. Цейтлин, *Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи*, Москва: Знак, 2009.
- Эпштейн 2001** = М. Н. Эпштейн, *Философия возможного*, Санкт-Петербург: Алетейя, 2001.
- Эпштейн 2016** = М. Н. Эпштейн, *От знания – к творчеству: Как гуманитарные науки могут изменять мир*, Москва – Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Якубинский 1953** = Л. П. Якубинский, *История древнерусского языка*, Москва: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953.
- Brown 1973** = Roger Brown, *A first language: the early stages*, Cambridge: Harvard University Press, 1973.

POVZETEK

Kognitivno-evolucijska raziskava pojavitve določnega in nedoločnega člena

V lingvistiki vlada prepričanje, da razvoj spoznave od konkretosti do abstraktnosti spremlja pojavitev najprej določnega in nato nedoločnega člena. Drugače pa govori dejstvo, da tako splošen slovniški pojav, kakor je člen, dopušča samo abstraktno mišljenje. Razrešitev tega protislovja prinaša kognitivno-evolucijski pristop v lingvistiki, v katerem se družbeni razvoj človeštva obravnava hkrati z evolucijo kognitivnih struktur. Podatki o stopnjah dojetanja, namreč sinkretizma, povrhnosti in alternativnosti, ki se obravnavajo v svoji evoluciji, in primerjanje teh podatkov s pojmom zmožnosti abstrahiranja nudijo dokaz, ki sledi. Sinkretizem dojetanja pomeni popolno odsotnost abstraktnosti, potrebne za obstoj členov, in popolno odsotnost konkretosti. Povrhnje dojetanje pomeni zanamljivo abstraktnost in občutno pomanjkanje konkretosti. Alternativno dojetanje, ki je v soodnosu z abstraktnim mišljenjem, pa pomeni popolno protistavo konkretosti in abstraktnosti, ki je pogoj za obstoj členov. Določni členi se razvijejo prej kakor določni zavoljo povrhnejega dojetanja, ki je ljudem inherentno: konkretno je bolj opazno kakor abstraktno in se zato hitreje zaznamuje. Kar pa ne pomeni, da se tak izrecno določni člen semantično ne protistavlja abstraktnosti. Vse to govori za sočasno pojavitev izrecno določnega in sovseбно nedoločnega člena v jezikih.